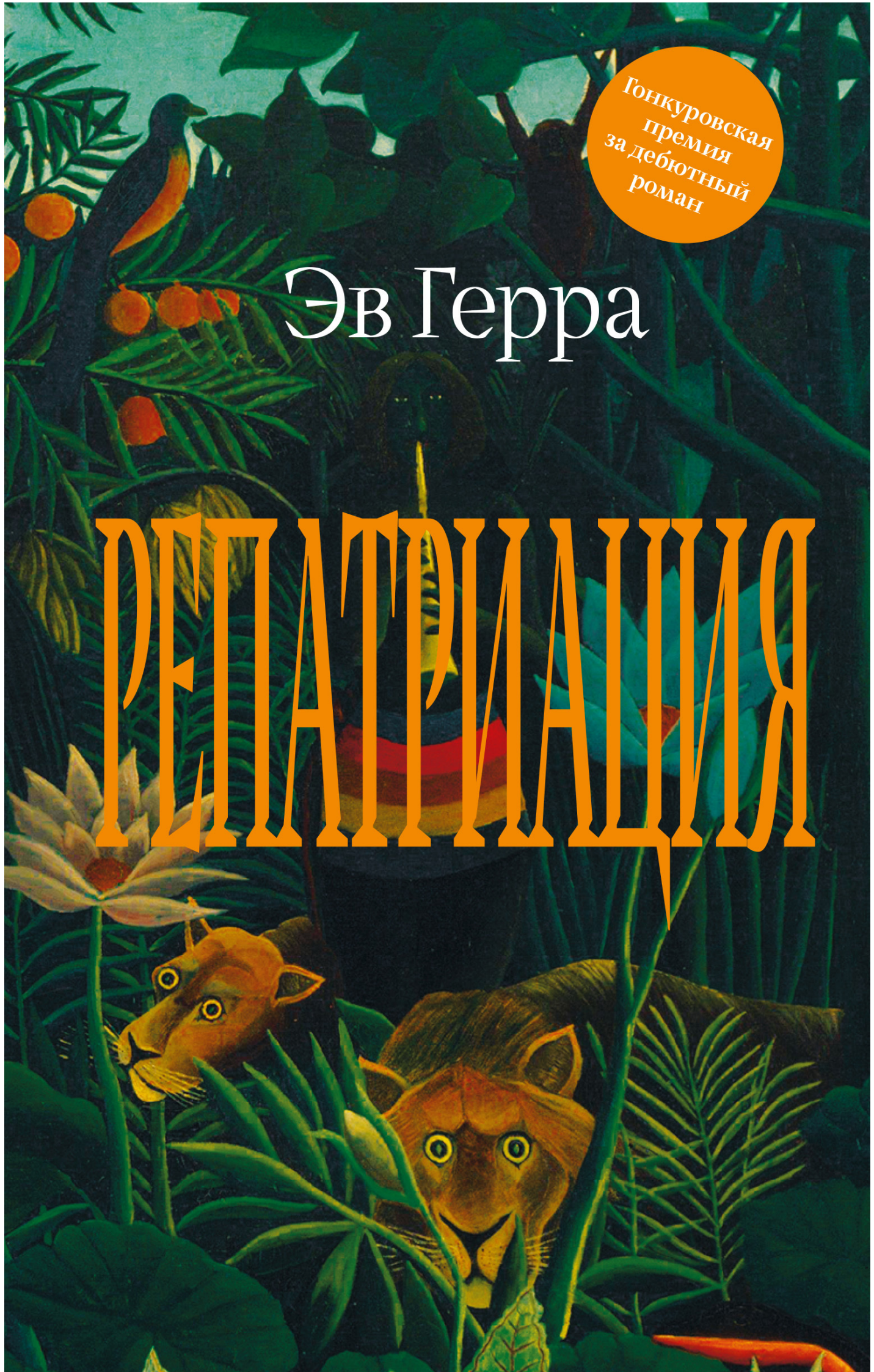

Гонкуровская
премия
за дебютный
роман

Эв Герра

РЕПАТРИАЦИЯ

Эв Герра
Репатриация

«Издательство Ивана Лимбаха»

2024

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фр)6-44-021

Герра Э.

Репатриация / Э. Герра — «Издательство Ивана Лимбаха», 2024

ISBN 978-5-89059-595-9

Аннабелла Морелли, родившаяся в Конго, живет в Лионе, учится в университете и мечтает стать поэтессой. Когда приходит весть о смерти отца, гражданина Франции, уехавшего на заработки в Африку и оставшегося там навсегда, она решает перевезти его тело – и сталкивается с бюрократией, коррупцией и тяжелым семейным наследием (ее мать, чернокожая женщина, была вынуждена оставить маленькую дочь и бежать от домашнего насилия). Переплетая автобиографическое и вымышленное, Герра создает повествование о проживании утраты и взрослении: героиня перемещается между Францией, где она была счастлива в детстве, и Африкой, которая хранит в себе горечь воспоминаний. Книга полна отсылок к произведениям Альбера Камю, Пьера Мишона, Сэмюэла Беккета и Антониу Лобу Антунеша. Роман отмечен Гонкуровской премией за дебют (2024).

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фр)6-44-021

ISBN 978-5-89059-595-9

© Герра Э., 2024

© Издательство Ивана Лимбаха, 2024

Содержание

1	9
2	15
3	17
4	22
5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эв Герра Репатриация

В оформлении обложки использована картина Анри Руссо «Мечта» (*Le Rêve*, 1910)

© Éditions Grasset & Fasquelle, 2024

© В. А. Фридман, перевод, 2026

© Клим Гречка, оформление обложки, 2026

© Издательство Ивана Лимбаха, 2026

* * *

Издано при поддержке Программы
содействия издательскому делу
Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien
du Programme d'aide à la publication
de l'Institut français

Ève Guerra

RAPATRIEMENT

Roman

Éditions Grasset & Fasquelle

Paris

2024

Эв Герра

РЕПАТРИАЦИЯ

Роман

Перевод с французского
Валерии Фридман

Издательство Ивана Лимбаха
Санкт-Петербург
2026

Все есть реальность и метафора.
Кристина Кампо

Несчастный! О, не узнавай, кто ты!
Софокл. Царь Эдип¹

*Я сорвал этот вереск лиловый,
Осень кончилась, значит – в путь.
На земле нам не встретиться снова...
Запах времени, вереск лиловый,
Но я жду тебя. Не забудь.*
Аполлинер. Прощание²

Посвящается моему отцу Люку Герра

¹ Пер. с др.-греч. С. Шервинского. *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Пер. с фр. Э. Линецкой.

1

Он умер в тот день, когда в панорамное окна лился яркий свет из сада. Стоял солнечный день – и вот мои руки бесконтрольно перелистывают страницы словарей, покидают одну комнату, оказываются в другой, в зале на втором этаже, где проводят выпускные школьные экзамены, и в секторе гуманитарных наук. Мои руки проплывают над лестницей, над рядами стульев, несут один, два, три, четыре тома, я толкаю спиной двери, они хлопают, потом с похожим звуком падают на стол книги в твердых переплетах. Он умер, когда сломался карандаш, который не справился с магией слов, – я это помню.

Я прочла электронное письмо и покинула зал, спустилась по лестнице и направилась к выходу,

– Мадемуазель?

открыла распашные двери, двери в холодную синеву,

– Желаете ее взять?

в город сумок, рюкзаков,

– Желаете взять эту книгу?

которые бегут, втискиваются в трамвай.

Я оставила книгу и прошла по заваленной окурками лестнице из трех ступеней, по «зебре», по улице от Библиотеки Дени Дидро до входа в телефонный переговорный пункт,

– Можно отсюда позвонить, можно позвонить?

– Да, да, третья кабина.

протерла телефонную трубку, набрала номер,

«Анна,

повесила трубку,

и теперь следила за собственными ногами, они лавировали между автомобилями, одна машина затормозила,

твой отец умер».

– Красный свет, черт, красный же! Не видишь, что идешь на красный?

затормозила в двадцати сантиметрах от меня, я смотрела под ноги на асфальт.

– Вот больная!

Апрель сменялся маем на широком проспекте с библиотекой и с трамваем, идущим к университету. Апрель сменялся маем, когда я, почти повесив трубку, услышала, как мои тетя и дядя настойчиво просили меня зарядить телефон и поскорее перезвонить. Апрель сменялся маем в переполненном вагоне метро, на линии Б, и у банкомата, рядом с которым я достала свою карточку.

ЛИМИТ снятия наличных – 20 евро

Я вытянула банкноту в десять евро. Наблюдавшему за мной бродяге сделала знак, мол, все будет хорошо, и ухватила за дверную ручку бара на площади Жан-Масе. Находясь снаружи, клиентов в нем было не разглядеть – угадывались только силуэты, а еще очертания серого кассового аппарата. Я подала банкноту, взяла чек, попросила разрешения немного зарядить аккумулятор мобильного.

– Эта?

– Нет, в глубине зала, эта не работает.

Подключив телефон к розетке возле столов, пропахнувших пивом, вином и горькой настойкой, я смотрела на улицу и на свои руки, на клочок бумаги, на город через затемненные стекла; я смотрела на свои дрожащие руки,

12 сообщений

шагая вдоль трамвайных путей, по улочке рядом с набережной, на которой стоит университет, вдоль других трамвайных путей – маршрута Т2; вот и Рона с покачивающимися на ней баржами, с лионской публикой и вечерними гуляньями, на газонах толпятся студенты с банками пива в руках и сигаретами в зубах. Я прошла по зеленому мосту

по набережной Гайтон
мимо магазинов с чистыми стеклами
прошла через Сону
по красному мосту
мимо церкви Сен-Жорж

оказалась на брусчатке площади Сен-Жан: вход в собор, тяжелая деревянная дверь, выкрашенная в красный цвет, ряды стульев, склонившаяся над младенцем Иисусом Мадонна, перед ней – алтарь, свечи на нем затухают, стоит хлопнуть дверью.

– Я убила своего отца, – сказала я собиравшему огарки старику, который силился напрячь слух.

– Простите?

– Думаю, я убила своего отца.

– Простите, не слышу я, не слышу. Сейчас здесь никого нет, чтобы вам помочь. Приходите в другой раз пораньше.

Он порылся в карманах.

– Не слышу, мадемуазель, мне жаль, очень жаль, но я не слышу. Я забыл слуховой аппарат. Вы в порядке? Придите завтра. Завтра в одиннадцать часов тут кто-нибудь будет. Или... если можете, поднимитесь в Фурвьер³. Воспользуйтесь фуникулером, тут совсем рядом.

Старик потер себе пальцами лоб, будто пытаясь что-то придумать, потом взял меня под руку и повел к большим дверям, вон из церкви.

– Там, по левую сторону от площади, видите? Вы видите? Там внизу метро и рядом фуникулер.

Он наклонился и внимательно взглянул в мои затуманенные глаза, теперь держа меня за локоть обеими руками.

– Точно все в порядке, детка? В Фурвьере кто-нибудь есть, я уверен. Отправляйтесь туда сейчас. Если прямо сейчас, то кого-нибудь да найдете.

Мимо церкви проезжал велосипед. На ватных ногах я спустилась по ступеням на брусчатку площади Сен-Жан, неслушающимися руками взяла телефон и ввела номер предоплаченной карточки мобильной связи⁴.

– До тебя не дозвониться. Вот уже два дня, Анна. Понимаешь? До тебя не дозвониться.

И слова сменились другими, которые я не услышала, как только что не слышала, не замечала ничего вокруг: ни золотую, подернутую дымкой фигуру Пресвятой Девы на Нотр-Дам де Фурвьер, ни кольцевую развязку рядом с садом, ни разрытую землю, ни вой сирены, который

– Твой отец умер...

пробирает до костей,

– И мы не сможем...

этот вой сирены...

– Алло? Не слышу, мне ничего не слышно. Алло? Что не сможем?

– Тело! Вероятно, мы не сможем репатриировать тело твоего отца.

³ Базилика Нотр-Дам де Фурвьер, расположенная на возвышающемся над Лионом холме Фурвьер.

⁴ Карта оператора связи, имеющая определенный лимит денежных средств, который можно использовать для звонков, sms и выхода в интернет.

Вокруг площади Сен-Жан неспешно бродили многочисленные туристы. Вечерело, ступались сумерки. У входов в бары толпился народ, рассаживался, откидываясь на спинки стульев; в моем рухнувшем на сиденье теле

– Я сплю, мне это снится.

все кричит, а я не нахожу слов, в голове не укладывается, что на другом конце света умер мой отец и, возможно, я никогда его не увижу.

Я убила своего отца.

Мне улыбается какая-то прохожая. В телефонной трубке голос дяди, и орет он так же, как мой отец:

– Всё очень серьезно, Анна. Ты должна приехать. Должна приехать сюда. Должна приехать немедленно.

– Но как он умер? И почему, почему нельзя забрать тело, и почему, почему мне не говорят, от чего умер мой папа?

– Найди попутчиков с автомобилем или отправляйся поездом, но приезжай. И поскорее. Я нажала кнопку «завершить вызов».

Как мне поехать, и главное – когда? А ведь сейчас каждая минута, каждая секунда на счету. Обратиться за помощью к родственникам? Но к кому? К тете с дядей, которые удивятся, что у меня и пятидесяти евро нет? Невозможно. Да и как рассказать о своей нынешней жизни?

Я покинула площадь Сен-Жан, или она сама меня прогнала. Она вытолкала со своей брусчатки мое тело с будто содранной заживо кожей, вытолкала его на проспект Адольф-Макс. Пока я соображала, куда идти и как пробраться сквозь поток съезжающих с моста машин и велосипедов, зазвонил телефон.

– Анна, Аннабелла...

Это был Стив, друг по французскому лицу в Дуале⁵. Здесь, на проспекте, его голос смешивался со всеми прочими и, казалось, принадлежал незнакомцу, его голос, как и вой удаляющейся сирены, звучал словно где-то не здесь.

Стив мне что-то говорил, и я отвечала очень-очень быстро, будто боялась случайно попросить необходимые мне деньги, не меньше пятидесяти евро, боялась рассказать, что мне нужно выбрать поезд, добраться через Бордо или Ангулем до Руайана. А там меня встретят, за мной приедут тетя с дядей.

Я предпочла прервать разговор.

В восемь часов стемнело, и Сона стала мрачной. Наступившая ночь сделала все свинцовым: воду в русле реки и фасады домов, воду в русле реки и уличный гул, где больше не различались звуки машин, ночь обернулась водой: еще чуть-чуть – и все утечет, во всяком случае, будет упущен завтрашний день, если я не найду решение прямо сейчас или через мгновение, что спасет потерянные минуты, – то самое мгновение, которое сейчас ускользает из моих рук.

Я пролистала список контактов. Набрать кого-нибудь из школьных друзей? Нет. Бывшего любовника, не важно, кого именно, первого попавшегося, который помнил бы меня, а я его? Нет. Перезвонить Стиву? Нет. Перезвонить моему дяде Антони?

Стоило мне сунуть обратно в карман телефон, как он завибрировал.

Пришло сообщение от Габриэля, который вот уже два часа меня дожидался. Я о нем забыла.

⁵ Дуала – крупнейший город Камеруна, его экономический центр.

Этим утром я улыбнулась и обняла его, сомкнув руки у него за спиной; я тянулась к его губам, которые были слишком высоко и старались не встретиться с моими, – Габриэль не хотел даже смотреть на меня, не то что целовать. Он говорил серьезным тоном,

– Аннабелла, я хочу с тобой кое-что обсудить.

пока я посмеивалась,

– Хорошо, любовь моя, мы поговорим, о чем хочешь, но сначала...

– Надо поговорить.

– ...поцелуй меня. Ну что ты дуешься? Поцелуй же меня... Сегодня вечером я уйду из библиотеки ровно в шесть, специально чтобы поговорить с тобой.

– Ты всегда задерживаешься.

– Сегодня не задержусь.

я вглядывалась в его губы, которые не собирались меня целовать, а он смотрел на меня так, словно я опять лгу, словно я перестала быть той Аннабеллой, какую он любил.

Габриэль ждал меня, не зная, что у меня умер отец. Ждал в другой стороне от площади Сен-Жан.

Я сделала круг, пройдя по проспекту Адольф-Макс, набережной Фюльширон и улице Дуайенне, лишь бы не идти к себе – туда, где меня ждал он, Габриэль, с копной вьющихся волос, одевающийся как подросток, всегда в расстегнутой рубашке, накинутой поверх футболки, в одних и тех же джинсах с понедельника по пятницу, – туда, где меня ждал с непроницаемым лицом принявший решение Габриэль.

Возвращаться домой мне не хотелось. Вернуться означало раз и навсегда принять, что мой отец умер и что вместе с сегодняшним днем, который погаснет, когда я натяну на себя одеяло, закончится и жизнь отца.

Габриэль ждал меня на другой стороне улицы и больше мне не улыбался. Я подошла к нему, протягивая руки.

– Я только из библиотеки. Пройдемся немного?

Ожидавший меня у дома Габриэль знал, что мой отец мертв, но для Габриэля он умер не сейчас, а гораздо раньше: я ему сказала, что похоронила отца четыре года назад, – два года лжи и любви. Габриэль отталкивает мои руки.

Я кладу их ему на бедра, но он их сбрасывает – и тьма ложится на мое лицо, тьма, которая вскоре накроет меня всю.

– У тебя есть мобильный телефон: если опаздываешь, можно отправить сообщение. Это совсем не трудно. Ты над всеми издеваешься. Точно, я сейчас это понял. Тебе нет дела до других. Ты думаешь только о себе. Анна, нам надо прекратить встречаться. Прямо здесь и сейчас. У меня больше нет сил, я больше не могу.

– Мне нет дела до тебя, потому что я опоздала? Ты бросаешь меня, потому что я опоздала?

Я пытаюсь удержать его обеими руками:

– Подожди, присядем на пару минут. Подожди, давай поговорим. Пожалуйста, умоляю тебя, подожди две минуты.

– Я бросаю тебя, потому что не понимаю, кто ты на самом деле.

– И могу я узнать, в чем ты меня упрекаешь?

– В чем я тебя упрекаю? Seriously? Ты хочешь знать, в чем я тебя упрекаю? Разве мы об этом не говорили? О твоей забывчивости, незрелости? Ты серьезно хочешь, чтобы я повторил тебе это в сотый раз? Кстати, у тебя в почтовом ящике лежало напоминание о необходимости заплатить за электроэнергию. Надо забирать почту. Ты планировала мне об этом сказать

или собиралась ждать до тех пор, пока не запахнет жареным настолько, что я сам приду и все оплачу? Я пытался тебе помочь, но думаю, это выше моих возможностей. У меня больше нет сил.

- У тебя больше нет сил.
- Да, больше нет сил.
- У тебя больше нет сил на меня.
- Именно так, и это печально, ведь я сейчас уйду от женщины, которую люблю.
- Ты уходишь от меня несмотря на то, что любишь.
- Мне надо идти.
- Да, уходи.

Как мне было ему сказать?

что мой отец умер, теперь по-настоящему, и что в тот момент, когда я положила ему на бедра руки, которые он оттолкнул, это была правда, в кои-то веки раз, впрочем, могла ли смерть моего отца изменить его решение,

ведь он уходит от меня,
потому что я лгу,
потому что всегда опаздываю,
потому что мне нет дела до других.

Он ушел в сторону проспекта Адольф-Макс, а я осталась стоять, свесив руки вдоль тела.

Я поднялась по лестнице и закрыла выходящие во двор окна – обычно их не трогали, если только не собирался дождь или не выдавалась холодной ночью, – закрыла тяжелые окна с ржавыми ручками, одно за другим, на всех лестничных площадках.

Маленький оранжевый дом, в котором я жила, стоял напротив ночного клуба «Тата Мона», работающего до утра.

Я часто в нем танцевала.

Это было раньше, до важного года с аттестационными экзаменами, которые мы ждали с начала обучения в университете, ждали всегда, – в этом году нужно было браться за ум: ходить в библиотеку, не пропускать занятия, вести размеренную жизнь, развешивая дома по стенам и даже над кроватью стикеры с заметками.

Я поднялась по лестнице, понимая, что упустила все – внутреннее спокойствие, но в первую очередь любовь, – толкнула дверь своей квартиры-студии, взяла глубокую тарелку, оставленную утром на столе, моя жизнь кончилась – и эту тарелку больше никогда ничем не наполню я прежняя, которая без умолку, несколько надменно сдувая в сторону мешающую прядь волос, говорила о планах на будущее, находясь в полной уверенности, что Габриэль будет любить меня всегда

и что мы заведем детей,
когда я стану преподавателем.

Я швырнула тарелку с остатками скисшего молока в раковину и уловила из коридора звук

шагов,

а ведь я не слышала ничего ни когда брела по улице, ни потом, поднимаясь по лестнице и открывая дверь.

Девушка на лестничной площадке вздрогнула и улыбнулась, но улыбнулась обеспокоенно, почти с тревогой – она увидела мои пылающие щеки и красные глаза, которые я больше не прятала.

– У меня умер отец.

Эта фраза вырвалась сама, зачем-то я сказала ее совершенно незнакомой девушке,

– У меня умер отец.

может, из-за ее непонимающего взгляда: я склонила голову ей на плечо, хотя никогда раньше ее не встречала, никогда не разговаривала с ней, она обычная соседка – из тех, кого иногда заметишь по дороге к метро или увидишь на пробежке, неизменно в наушниках, – а теперь я обнимаю ее за шею.

– У меня умер отец. Это странно, но я думаю, что и сама хочу умереть.

– Может, вам надо присесть?

Чтобы открыть дверь, ей пришлось поднять мою голову, но руки, которыми я продолжала цепляться за нее, она не оттолкнула, возможно, не осмелилась.

– Присядете? Сделать вам чаю? Или хотите воды, хотите чего-нибудь? Хотите чаю?

Смущенно повторяя эти слова, она пыталась поймать мой взгляд, который я не отрывала от пола.

– Сядьте, пожалуйста, садитесь сюда.

Она поставила сумку на кухне рядом со столом, куда подвела мое тело,

– Посидите минутку.

которое обрушилось на стул.

– Мне, наверное, надо идти спать.

– Что вы, останьтесь, останьтесь ненадолго. Останьтесь на этот вечер.

– Не могу. Мне нужно на поезд, я должна ехать, должна обзвонить друзей, попросить их, должна занять денег, должна купить билет – мне столько всего надо сделать...

– Сколько вы хотите занять? Куда вам надо ехать?

Она присела на корточки, чтобы посмотреть мне в лицо и поймать мой взгляд.

– Мне нужно ехать, простите, я не хочу надоедать вам своими проблемами, я должна ехать.

– Вы не надоедаете мне, вы никому не надоедаете. Какой нужен поезд, куда вам ехать? Я могу помочь? Сидите-сидите! Меня зовут Орели.

Я посмотрела на протянутую мне руку.

– Анна.

Стены ее квартиры-студии были белее моих, яркие, после ремонта, увешанные фотографиями с каникул, из путешествий в кругу друзей, с возлюбленным, семьей. У меня дома не найти ни одного снимка Габриэля или отца: на посеребривших обшарпанных стенах много фотографий – и на всех них я одна.

Она открыла шкафчики, порылась в грудах тарелок, – ее кухонный гарнитур цветовой гаммой перекликался с маленькой гостиной в серо-черных тонах, – достала чашки, чай, сахар, тарелку,

– Куда вам надо ехать?

на нее она положила пирог, в чашки со свисающими из них ниточками от пакетиков травяного чая налила кипятка; надо же – пирог,

– В Руайан.

– Хотите кусочек?

будто еда помешает рухнуть всему, отменит смерть отца.

– Не знаю, не знаю почему, я не должна была... Я представляла себе это, так часто желала, много, очень много раз, я хотела всем сердцем, желала, чтобы мой отец умер.

2

Уехать от него я мечтала с детства. Решение об этом я приняла в восьмилетнем возрасте, апрельским днем 1998 года.

Стоял сухой сезон. Мы тогда жили в Конго-Браззавиле, в лесной чащобе, куда не проникал свет.

Когда меня спрашивали, в деревне ли я живу, я отвечала, что в лесу. Вокруг нашего дома, где я родилась, был сплошной лес, сапелевый⁶ лес у реки, на берегах которой полно змей. Их я не боюсь, я одна из них.

Говорят, река Конго – это огромный питон, превратившийся в водный поток. Об этом мне рассказал местный пигмей Дьедье. Он уверял, что здешних змей бояться не надо: они нападают, только когда защищаются или добывают себе пищу, а я уже слишком большая для этих маленьких созданий, ползающих по земле.

Дьедье подошел, когда я стояла перед домом и вычерчивала палкой на земле маршрут, по которому мне предстоит идти.

В нашу следующую поездку за покупками в Моссенджо я собиралась взять рюкзак, в который заранее положу еду, одежду и паспорт – я стащила его из комода в отцовской комнате. Отец как ни в чем не бывало сядет за руль, я – в пассажирское кресло, и мы поедем в город, остановимся в отеле, и когда он хорошенько напьется у барной стойки и подцепит очередную шлюшку, я возьму рюкзак и под покровом ночи уберу – все продумано.

Уберу и сначала буду несколько дней прятаться, пока меня не перестанут искать, потом сяду в автобус, в поезд до города Пуэнт-Нуар, где живет моя теть Марта, первое время буду работать в баре и продавать арахис у дороги.

Все было продумано: я притворюсь, будто захотела спать и иду ложиться в постель, а когда отца свалит сон, улизну, с рюкзаком за спиной выскочу потихоньку из бара, по берегу доберусь до моста, выйду на грунтовую дорогу, ведущую в городские трущобы, куда белые не ходят, у меня с собой будет рюкзак, паспорт в кармане, несколько су, накопленных на автобус, и я стану прятаться.

На первые несколько дней мне хватит еды, припасенной в рюкзаке, от дождя я буду защищаться плащом, от комаров – объемной кофтой, и когда полицейские станут всех спрашивать,

– Куда пошла дочь этого белого человека?

им ответят,

– Не знаем, никто ее не видел.

и это будет правда, ведь мой побег пройдет идеально.

Подготовка шла целый месяц: я подкараулила, когда домработница выйдет в коридор, оставив открытой дверь в комнату отца, которая вечно заперта, шмыгнула туда, запустила руки в комод, стараясь почти ничего не трогать, а все, что вытаскивала посмотреть: сберегательную и чековую книжки, семейную книгу⁷, наши паспорта, – складывала обратно строго на место: касающиеся меня документы возьму в последний момент, за несколько дней до побега, а теперь надо все разложить по размерам и цветам, как было у него, – я предусмотрела всё.

⁶ Сапеле – вид гигантских деревьев, произрастающих в Западной, Центральной и Восточной Африке, может достигать 60 м в высоту и 2 м в ширину, относится к ценным породам. Из красной древесины сапеле изготавливают мебель, музыкальные инструменты, элементы дорогой отделки интерьеров яхт.

⁷ Документ, который выдается при заключении брака во Франции, далее в него вносится информация, касающаяся членов семьи: о рождении, смерти, разводе, изменении имени или фамилии и т. д.

В течение месяца я таскала из кухни печенье, майонез, шоколад, паштет – все, что можно было незаметно припрятывать раз в неделю, – и моя вера в успех собственных планов укреплялась.

Я прокралась в комнату отца за два дня до осуществления задуманного. Пока Розалина, наша домработница, разбирала белье, я засунула украденный документ в гору чистых полотенец, лежащих на столе, на самом виду, – подумала, что никто никогда не станет в них рыться.

У меня были наготове гора чистых полотенец на столе, не вызывающая никаких подозрений, и рюкзак, спрятанный во дворе, чтобы забрать в последний момент, в котором лежала провизия минимум на неделю, кофты и три пары брюк.

Дядье говорил, а я толком не слушала. Он рассказывал истории о сухопутных змеях, от которых надо держаться подальше, например, от таких, как огромные питоны, ведь они заглатывали собак и детей, иногда ломали жертве позвоночник, а потом бросали, сообразив, что не смогут такое сожрать.

– Если когда-нибудь заметишь питона, советую тебе сразу драпать.

В тот день отец вернулся с работы спокойным, уставшим. Он оставил у входа испачканные в машинном масле и дизельном топливе ботинки, чем всех удивил, прошел в гостиную и развалился на диване. Повар Макани, домработница Розалина и садовник Ги по очереди приносили ему то кофе, то сигареты, то бутылку воды, ставили перед ним пепельницу, бутылку виски, за что едва удаивались благодарности, и вдруг он сказал,

– Позовите ко мне Анну.

я предстала перед ним, точно перед судом,

– Аннабелла, тебе чего-то не хватает здесь?

– Нет, мне всего хватает.

тогда он обернулся, будто выискивая свидетелей, и тот же вопрос, на который я, похоже, ответила недостаточно полно, задал остальным,

– Ей чего-то не хватает здесь, как по-вашему?

и те хором ответили,

– Ей всего хватает, хозяин.

когда его ладонь хлестанула по моей щеке.

– Отдай мне паспорт.

И это вспыхнуло вот так между нами,

– Ты не имеешь права так делать, папа, не имеешь права!

между нами, а еще между мной и Розалиной, которая потащила меня за руку, крича те же слова, что совсем недавно произнес он,

«Ты не выйдешь отсюда, мадемуазель Аннабелла, пока тебе не позволит папа; подумай хорошенько о своем поступке»

захлопнула дверь моей комнаты, как только что захлопнул дверь гостиной отец.

3

На сайте попутчиков Орели нашла свободное место в машине с выездом через день. После свалившейся на меня новости о смерти отца я улеглась спать на диване, прежде составив список документов – семейная книга, паспорт, свидетельство о рождении, – вещей и того, что надо не забыть сделать,

- *написать в деканат*
- *продолжить готовиться к экзаменам?*
- *Августин, Сенека, Платон*
- *ноутбук, телефон, зарядки к ним*
- *3 пары брюк, 4 футболки, трусы, носки*

и теперь ждала машину в условленном месте у вокзала, ждала со своими попутчиками и их рюкзаками, сначала я держала сумку на плече, потом спустила на землю.

Тут появилась пассажирка в джинсовой куртке и облегающих брюках, стала задавать кучу вопросов. Мне стоило, мне очень хотелось ей сказать, чтобы она заткнулась ко всем чертям, оставила меня в покое, но я сквозь натянутую улыбку и слезы отвечала на ее задор, столь же невыносимый, как кураж летних уличных трубачей в пестрых рубашках, которые прыгали в фонтан прямо в одежде. Они, дую в свои трубы и саксофоны, преграждали всем путь на подходе к площади Корделье, наводненной пивными пузанами, и напоминали о праздниках, где среди тьмы народа чувствуешь себя одиноким. Она говорила, а я отвечала – безучастно, словно пробираясь сквозь эту толпу:

– Меня зовут Аннабелла. Да, я еду в Руайан. Да, живу в Лионе. Да, в квартале Сен-Жан. Класный город, да. Куда-куда ты ходила? Да, я знаю клуб «Тата Мона».

Машина подъехала, сумки уложили в багажник, свою я взяла в салон, поставила себе под ноги. Водитель включил радио и предложил всем перезнакомиться. Кроме нас, была еще одна девушка и молчаливый парень. Болтушка жила в Барселоне, куда переехала какое-то время назад:

– Квартирка клевая и недорогая к тому же.

Она добавила, что работает рядом с морем и каждое утро пьет кофе, любуясь восходом солнца.

– А ты, Анна, чем занимаешься?

– Я была студенткой.

Я сказала «была», словно моя жизнь заканчивалась у меня под ногами, у этой сумки, с которой я не расставалась с утра, и слова «была студенткой» означали «я умерла». Прислонив голову к дверце машины, я смотрела, как за окном бежали поля, неся асфальт. Барселонка не умолкала, более того, постоянно что-то выкрикивала, суетилась, и другие пассажиры вместе с ней, из-за чего в салоне автомобиля будто гулял ветер, даром что окна были закрыты, и так вплоть до придорожной зоны отдыха, которая вызволила меня из всего этого.

Я сделала круг по парковке у автозаправки, не отрывая взгляда от своей сумки, я сделала круг по парковке у автозаправки, не отрывая взгляда от своих рук, прошлась между стеллажами в магазинчике, по тротуару, потом вернулась ко всем, к машине. Барселонка по-прежнему болтала без умолку:

– Глотнешь кофейку? Чего-нибудь другого? Ну хоть немного? Может, бутылочку воды возьмешь? Тебе не хочется пить? Мы уже три часа в пути.

Говорунья трещала все громче, надувая пузыри из жвачки. Она была из тех девиц, которым с детства внушают, в первую очередь матери, что их неумение вести себя тихо, сдерживаться, концентрироваться на простейших задачах, таких как, например, молча выпить кофе на

заправке, что их природная склонность к болтовне – неопровержимое доказательство темпераментности. Этой пустоголовой идиотке стоило научиться молчать, вместо того чтобы выставлять напоказ свою глупость.

Меня донельзя раздражали ее туфли, куртка, резинка для волос. Впрочем, сама я одета была не лучше.

Утром я натянула на себя первое попавшееся под руку, лишь бы не замерзнуть. Было третье мая. Вот уже четыре дня, как умер мой отец и как стоял зимний холод среди весны. Четыре дня. Платье поверх укороченных джинсов, несуразный джемпер, высокие носки от разных пар, да еще и дырявые. Четыре дня, два из них я ни о чем не знала, а другие два провела в наглухо закрытой квартире, не давая свету проникнуть в нее. Джинсы, черный джемпер и зеленое платье под ним.

Мы доехали до зоны отдыха на трассе и облачного с просветами неба, до парковки, где повсюду толпились семьи, взрослые кричали детям то слезть с качелей, то перестать шаркать ногами. Четыре дня, и два из них – в бесконечных нелепых молитвах, как будто Господь действительно мог меня услышать.

После долгого пути мы прибыли на привокзальную парковку Руайана, высадились из машины, и каждый пошел своей дорогой. Я поставила сумку на тротуар и увидела, как из пятичасового поезда вываливают пассажиры, то и дело набрасываясь с поцелуями на друзей и родителей, хлопая дверцами автомобилей, – всюду мужчины, девочки, женщины, чемоданы, которые они катят по асфальту, и этот звук, похожий на шорох гальки, —

я по-прежнему стояла на тротуаре с сумкой у ног в ожидании тети, которая должна была вот-вот приехать, – и все вокруг исчезли

один за другим:

мужчины и их чемоданы, девушки, обнимавшиеся с матерями, – исчезли все, уехал и поезд, захлопнув двери.

И вот появилась моя тетька, миниатюрная брюнетка в «Рено Клио 2» – мы очень давно не виделись, но она не изменилась. После развода она всегда ездила на одной и той же серой машине, носила одни и те же балетки и стриглась под каре. Она открыла дверцу крепкой жилистой рукой, рукой бегуньи. Я села в машину, бросила сумку на заднее сиденье, избегая взгляда тети. Избегая взгляда зеленых, как у моего отца, глаз, я уставилась на вывеску букмекерской компании – не хотела видеть улыбку тети, слышать ее голос,

– Аннабелла...

она поцеловала меня в щеку и вырулила на площадь с круговым движением; мы куда-то свернули, проехали по промышленной зоне и по лесной дороге, ведущей в Брейе, где жил Джорджио, старший из ее братьев, добрались до места и вышли из машины.

Стол, стаканы. Мне предложили воды. Я взглянула на дядю Джорджио, но он на меня не смотрел, его жена Селеста поинтересовалась, как моя учеба, и я, усмехнувшись, ответила:

– С учебой покончено.

Джорджио, старший брат отца, пожилой, сгорбленный, налил мне воды, так и не взглянув на меня, он заполнял паузы в беседе, но об умершем брате говорить не хотел. Я не знала, всегда ли он так держал спину, скривила ли его работа каменщиком, или он сутулился сам, желая начисто стереться, исчезнуть.

За столом повисла тишина, нам с тетей Альдой нечего здесь было делать: мы заехали соблюсти формальность, из вежливости, а Джорджио угощал нас лишь водой, причем мне, дочери своего брата, налил ее, не говоря ни слова. Он не смотрит на меня, будто я совсем чужая за этим столом, хотя я так часто едала тут вместе с отцом, его братом, а иногда и одна,

когда приезжала к нему на каникулы с конвертом денег, чтобы хватило на лето; и этот дядя Джорджио, который раньше принимал меня у себя, теперь подавал мне воду как нищенке без роду и племени.

Я взяла стоявшую у меня в ногах сумку и сказала тете, что мы уезжаем, перекинула ремень сумки через плечо и захлопнула дверцу машины. Тетя Альда тронулась со второй передачи – и двигатель заглох.

По равнине шла прямая дорога: я никогда не думала, что через Брейе так долго ехать. Потом начались затяжные повороты, чью длительность в секундах я отсчитывала на пальцах и делала это не таясь – в моем платье некуда было спрятать руки.

Прибыли мы уже вечером.

Дядя Антони, младший брат моего отца, дожидался у ворот, перед припаркованными на гравийной площадке машинами: на одной ездил он, на другой – его жена Клеманс, которая подошла меня обнять.

Я все еще держала в руках сумку.

Ставь ее сюда, Анна.

И Клеманс унесла мои вещи в спальню.

На столе появились бокалы, дядя Антони расхаживал взад-вперед по кухне:

– Сколько конкретно денег у тебя сейчас есть?

– Сколько конкретно?

– Да, сколько?

– У меня вообще их нет.

Он потер виски, тетя Альда и Клеманс опустили глаза.

– Твой отец умер. На репатриацию его тела с нас требуют десятки тысяч евро.

– У меня нет таких денег.

– Ни у кого нет, Анна.

– У него разве не было страховки?

– Мы не знаем, никто не знает.

– Но как он умер, где он умер и почему мне ничего не говорят? От чего умер папа?

Антони вышел из кухни.

Вечером мы поделили обязанности. Тетя Альда должна была позвонить коллеге моего отца и записать нужные контакты себе в блокнот, договориться о встрече с сотрудником похоронного агентства и запросить прејскурант. А мне нужно было связаться с посольством и Министерством иностранных дел, чтобы найти способ репатриировать тело отца.

Все утро я выискивала телефонные номера, в первую очередь посольства Франции в Дуале, ведь там знали, где хранится тело. Я дождалась, пока Клеманс и Антони уедут, и только тогда набрала номер.

– Я звоню по поводу смерти моего отца. Он скончался в понедельник 29 апреля. Мне сказали связаться с вами. Меня зовут Аннабелла Морелли.

– Мадемуазель Морелли, соединяю вас с моей коллегой, которая ведет это дело.

– Мадемуазель Морелли... Мадемуазель?

Я повторила, слова выходили из меня и складывались в фразы, звучащие противоестественно:

– Мой отец скончался в этот понедельник, 29 апреля. Мне сказали связаться с вами. Меня зовут Аннабелла Морелли.

– Да, ваше дело веду я. Мы стали им заниматься без малейшего промедления.

Между своими фразами она выдерживала паузы.

– Учитывая ситуацию, советую сразу обратиться к адвокату. Я дам вам координаты адвоката, прикрепленного к консульству.

– Прошу прощения, но мне нечем их записать. Не могу найти ручку, мне нечем записать, простите. Похоже, здесь нет ни одной ручки. Безумие какое-то. Да где же ручки?

– Не торопитесь.

– Простите. Подождите, кажется, я нашла карандаш.

– Итак, это мэтр Патрик Вельбом.

Записав в блокнот номер телефона, я повесила трубку и пошла к деревянному домику – мне захотелось постоять на траве, которая росла рядом с ним.

С самого приезда я все никак не могла помыться. Теперь же дотатила свое тело до ванны, погрузилась в воду, свесив руки с бортиков, и в этой воде исчезли целых два часа, в воде, которая все укутывала тишиной, пока в дверь не постучал дядя Антони.

– Анна, все в порядке?

– Да. Я выхожу!

Уже был полдень.

Антони вернулся с работы в решимости рассказать мне наконец о произошедшем, о том, что знал сам, но после его объяснений ситуация понятнее не стала.

– Мы узнали это от сотрудников посольства Франции, а им сообщила его сожительница.

– Сожительница?

– Да, Анна, его подруга. Обстоятельства не ясны. Судя по всему, он умер в Эзеке, но не в самом городе, а рядом, на лесосеке. Он там ремонтировал технику. Одну машину компании SISCO BOIS, которая занимается заготовкой древесины. Проблема в том, что представители этого предприятия не являются в посольство, чтобы оформить необходимые документы.

– Почему?

– Это может им вылиться в кругленькую сумму. А сами они – выродки. Думают только о бабле, а не о последствиях своих действий, не о том, что порой случается с людьми. Они преступники – других слов у меня для них нет. Преступники, сволочи, подонки. Они не собираются оплачивать репатриацию твоего отца.

И он вышел, хлопнув дверью, оставив меня на кухне в состоянии полного ошеломления. Еще какое-то время я продолжала сидеть на стуле, пытаюсь понять, что со мной происходит.

Я смотрела на настенные часы, дожидаясь подходящего момента, чтобы набрать номер посольства, чтобы связаться с Министерством иностранных дел, и тут раздался телефонный звонок.

– Мадемуазель Морелли?

– Кто это?

– Мэтр Вельбом, адвокат, прикрепленный к посольству Франции, мне передали ваш номер. Я звоню по поводу вашего папы. Полагаю, вы уже в курсе дела. Буду откровенен. Все очень запутано. О смерти сообщила в воскресенье местная подруга вашего отца, мадам Сильви Мбамбе. Консул предложил мне представлять ваши интересы, если вы того пожелаете.

– Какие интересы? И зачем мне нужна защита?

– Возможно, вам придется подать иск для возбуждения уголовного дела.

Он сказал, какие документы надо собрать, сказал о необходимости найти данные о страховании и трудовой договор – последний запросить у некой сожительницы отца, у Сильви, о которой я знать не знала, у Сильви – неизвестной мне женщины, от которой зависели моя жизнь и репатриация тела папы; он долго говорил, перегружая мои уши советами, подробностями, нюансами всех процедур:

– Сходите в банк, чтобы найти подтверждение его страховки – личной или корпоративной, от предприятия, – надо найти следы денежных переводов, любое доказательство того, что он когда-либо работал на них, это очень важно.

Все залы ожидания похожи друг на друга, как я теперь знаю: два стула у стены около каждого кабинета, дверь которого открыта, – так ожидание кажется менее тягостным. Молодые люди в рубашках, заправленных в костюмные брюки, сновали по коридору, приветствуя семейные пары и стариков с пакетами документов на ипотеку, автокредит или на завещание по банковскому счету.

Я сидела в коридоре с клочком бумаги в руках, на котором было записано, какую информацию мне нужно найти, и ждала, когда меня примет сотрудница банка.

Наконец она подошла, подошла на высоких каблуках и, освободившись от папок и сделанных с утра распечаток, протянула мне руку,

– Мадемуазель...

дежурно улыбнулась, мне пришлось улыбнуться в ответ, ведь скорбь – не достаточное основание для того, чтобы пренебрегать вежливостью; улыбаясь, она говорила абсурдные, неуместные, мудреные слова, которые мне стоило запомнить,

– Я детализирую активы вашего отца, затем все заблокирую до тех пор, пока наследство не будет оформлено у нотариуса.

ее фразы хлестали, как пощечины, со всеми этими условиями, оговорками, сроками, которые придется выждать: три недели на проверку информации о страховании жизни, месяц на ревизию счета ценных бумаг и более трех месяцев надо заложить на оформление наследства, – и ничего она не говорила о том, что бы мне помогло.

– А есть ли какие-то сведения о денежных переводах?

– Последний зафиксирован тринадцать месяцев назад, и это был перевод с его собственного счета.

– Как это?

– Здесь значится счет господина Джованни Морелли в центральноафриканском отделении банка БАА.

– Но туда деньги откуда-то же поступили?

– Это надо узнавать непосредственно на месте.

– А не указан ли там номер страховки, трудового договора?

– Нет.

– Может, его страховка или кредитка где-то засветились?

– Нет.

– Ну хоть какой-нибудь след?

– В рамках своей компетенции я больше ничего не могу сделать.

Махнув рукой вместо прощания, я открыла дверь, покинула кабинет, прошла по коридору и села в машину к Альде, которая все это время меня ждала. Мы поехали через порт, вдоль моря, нескончаемого песчаного берега и пляжей с зонтиками, рука Альды опустилась мне на плечо – и я прошептала:

– Ничего, абсолютно ничего. Больше года назад он будто исчез, будто не существовал вовсе.

4

Как-то раз он уже пропал, на несколько месяцев оставлял без вестей о себе семью: мать, братьев и сестру. Тогда он углубился в лес, прошел от остановленного завода до опустевшего рабочего лагеря, и рядом с ним молча брела я.

В октябре 1998 года, когда мне только исполнилось девять, разгорелась гражданская война, которая до тех пор лишь тлела, ограничиваясь несколькими городами, и нам пришлось оставить Конго. Мы жили далеко от Пуэнт-Нуара и Браззавиля, поэтому не успели к эвакуации на родину, организованной французским посольством и Министерством иностранных дел. В результате мы выехали из страны, убегая от грабежей и нехватки продовольствия, только через несколько месяцев после того, как ее покинули последние иностранцы. С чемоданами и коробками, груженными посудой и одеждой, с моей собакой на коленях, мы уезжали в сезон дождей, когда лившаяся сверху вода размывала дорогу, уезжали на машине окольными путями, через деревни. Мы приехали на границу с Габоном и пересекли ее, чтобы добраться до города под названием Мунана, где, как говорил отец, очень хорошие друзья подыскали ему работу. Других, таких же, как мы, беженцев пришлось оставить в пыли, поднятой колесами нашего внедорожника, за сторожевыми будками и контрольно-пропускными пунктами. *«Французский паспорт, французский паспорт, разрешение на въезд»*. Мы пересекли границу, и вести об аэропорте, окруженном войсками, остались позади. Мы отъехали от границы и спаслись от опасности, которую представляла собой ангольская армия на территории Конго. Отец не стал мне говорить, что мы бежали от смерти, но последние недели перед отъездом я видела по его глазам, насколько сильно он спешил уехать. Я уяснила, как важно по вечерам выходить из дома с осторожностью, передвигаться след в след, избегая деревень с наступлением темноты.

Размытые дождем дороги сменились в Габоне асфальтированными. Если Конго – это первозданная необузданность и леса высотой до небес, то Габон являл нам природу, укрощенную человеком.

До Мунаны мы доехали без всяких затруднений или волнений. Сельскохозяйственные угодья в сезон дождей были залиты водой. Пейзаж всю дорогу был один и тот же, зато ни разу за день мы не услышали ни автоматных очередей, ни взрывающихся снарядов.

Город Мунана, куда мы приехали, славился добычей марганца, но мой отец собирался работать в итальянской компании, специализирующейся на заготовке древесины. Предприятие небольшое, что есть, то есть, но там неплохо платили и обеспечивали сотрудников жильем. Отцу предстояло трудиться механиком, ремонтировать лесозаготовительную технику. В его обязанностях было выезжать на лесосеки, контролировать состояние оборудования, заказывать запчасти, вытаскивать застрявшие в зарослях грузовики и экскаваторы – все то, чем он занимался всегда. Я же, оставаясь в компании собаки, пыталась завести друзей.

Года через два после нашего приезда, в 2001-м, когда мне исполнилось одиннадцать, марганцеворудное предприятие стало снижать объемы добычи, что не могло не сказаться на городе и, как следствие, на нас.

В июне 2001 года предприятие прекратило работать.

Последние экспатрианты уехали.

Я каталась по кругу на велосипеде без седла во дворе перед домом, некогда белым, а теперь ставшим красным от местной пыли, перед домом с отключенным телефоном, валяющимся без шнура в углу.

Мы жили на холме над деревушкой, быстро разросшейся в красивый бело-зеленый город: добыча марганца и древесины привлекала сюда жителей из окрестных мест.

Мы жили на холме, возвышающемся над городом, вдали от лагеря, в котором квартировались рабочие и учителя, над наскоро построенной школой, теннисным клубом и бассейном, над вертолетной площадкой, откуда увозили заболевших, если им требовалась срочная помощь.

Все происходило постепенно:
исчезали заведения, люди, —
а мы оставались в нашем замкнутом мирке.

Последнее оборудование на предприятии было уже отключено, а роскошная жизнь продолжалась: в баре у теннисных кортов подавали коктейли, я носила безупречные наряды, перед домами стригли газоны, водитель внедорожника отвозил меня то к одному дому, то к другому,

– Я еду к Микаэле, папа.

– Папа, я к Развану.

– Ой, пап, я к Армандо, к тому, что живет по соседству, ну, ты знаешь.

пока из всех, с кем можно было поиграть, не остался лишь Бертран, который жил внизу, в рабочем городке. А я и не заметила, как все это произошло.

Однажды мать Микаэлы посетовала, что в магазине больше не найти кошачий корм, сама Микаэла ругалась на состояние бассейна в клубе: его нынче не чистили, и он стал настолько грязным, что у нее появились бородавки и грибок,

– Нет, ты представляешь себе, Аннабелла? Они несколько недель не сливали воду, несколько недель туда не приходит садовник. И чего они добиваются?

а отец Микаэлы жаловался на школу, на заводские забастовки, на рабочих, которые теперь отказывались спускаться в шахту, на неопределенность.

– Произошла очередная авария. И они прекратили работу. Уже в четвертый раз. Насколько – неизвестно. Я не уверен, что все не остановится окончательно. К тому же смотри, немца так и не заменили. И кто теперь будет заниматься амбулаторией? Разве это серьезно? Мы все-таки на международную компанию работаем, на французское предприятие! Медбрата из соседнего села – вот кого нам присылают. В рабочем городке не осталось ни единого квалифицированного врача.

Я стояла на пороге с пирогом в руках, когда семья Микаэлы вздумала уехать,

– Ситуация стала невыносимой, а вы что намерены делать?

ее родители говорили со мной так, будто я могла что-то решать, будто я что-то знала о тех, кто сбегал, уезжал с горой сундуков, бросая свои жилища, о тех, кто навсегда выходил из дверей своих домов, отталкивая меня плечом. Так все вокруг испарились.

Оставил это место и мой отец, но сначала исчезли многие автомобили – машин у входа в клуб становилось все меньше – и опустела школа, лишившаяся своих учеников, огромных праздников, скопления женщин и детей, отплясывающих в платьях и льняных брюках на танцах, которые устраивались по вечерам, а еще там организовывали великолепный буфет, и мы крутились рядом с ним.

– Дети, подходите, угощайтесь!

На Микаэлу с ее немецким именем и манерой держаться наподобие роковой женщины, вечно чем-то недовольной, засматривался Разван – худющий голубоглазый блондинчик с очень светлой кожей, которая краснела на солнце, – мы думали, что он недавно приехал из Косова; этот Разван смотрел на Микаэлу с благоговением, протягивал ей бокалы воды и бутерброды

– Хочешь тост с лососем?

прямо перед моим носом,
– Мне хотелось бы один, если... если она не хочет.
мой отец сидел с их родителями, держал за руку какую-то девчонку чуть старше меня, подобранную в деревне пигалицу, и кричал мне
– Анна, не испачкайся, пожалуйста!
при Разване, который на меня не смотрел.

Это было задолго до всеобщего отъезда и до того, как убежали мы сами: Разван пытался услужить Микаэле, а Микаэла откидывала волосы, попадая ими по его лицу, и жестко отвечала,

– Да не голодна я, отстань уже со своими тостами с паштетом.

– Это не паштет, а лосось!

и каштановые пряди ее волос вновь взлетали, переливаясь в великолепии света: большой зал, не обращающая внимания на тарелки Микаэла, незаметные официанты, с отсутствующим видом кружившие вокруг нас.

Разван завел ногу под стол и под юбку Микаэлы, впиваясь голубым взором в черноту ее глаз, но Микаэла подскочила и крепко саданула Развана по голениям,

– Ай, да она чокнутая!

тогда он положил свою руку на мою, желая оторвать меня от стула,

– Идем-ка, ты умеешь танцевать?

от стула, который едва оправился от шока, чуть не упав, и под взглядом моей черноглазой соперницы Разван увлек меня, рыгая мне под нос, рыгая мне в ухо игристым, переполнявшим его желудок,

– Я т-тебя не видел, ты такая миниатюрная.

Разван подхватил меня – и мои ноги оказались в десяти сантиметрах от пола,

– З-знаешь, я к-кое-что тебе скажу.

подхватил мое крошечное тело в не менее крошечном платье, которое собралось в подмышках,

– Что?

– Придвинься, скажу тебе на ушко.

он чмокал меня в шею, в щеку и даже в губы, посмеиваясь у всех на виду, не скрывая от меня усмешку,

– Иногда ты красивая, но только иногда, пото-му что чаще ты страшенькая; не скажу, что прямо уродка, но неухоженная.

щеки у меня багровеют – и над чистой половой плиткой все начинает плыть, словно принесенная снаружи пыль.

Микаэла уехала, Разван тоже, потухли белые неоновые лампы в актовом зале.

Она уехала, сняв садовые качели, забрав плетеные пуфы, на которых мы по очереди сидели, и деревянные табуреты; уехала, оставив дом пустым, а двери – открытыми, и теперь тут сновали крысы и змеи; все поросло травой, стены и шкафы потрескались от влажности, трава появилась даже в спальне – там, где раньше стояла кровать, лежали прикроватные коврики и висел саронг, купленный в соседнем городе, казалось, только вчера.

Мы ехали в открытом кузове, держась за металлическую дугу над кабиной пикапа, который подпрыгивал на дороге, превратившейся в этакий мост через реку, куда легко можно было выпасть, – так все вокруг размыли дожди.

– Давай же, быстрее, поднадави!

И Микаэла исчезла, нет больше ее лица, ее волос, ее смеха

в кузове пикапа, нет шикарной амазонки Микаэлы, и нет прежнего мира, исчез возбужденный взгляд ее черных глаз,
взгляд неистой Микаэлы.

Она выскочила из внедорожника, как кошка, одним прыжком, одним махом, ловко пружиня ногами,

– Аннабелла, шевели задницей, черт побери!

и побежала по рынку, Микаэла забыла обо всем, а я спешила за ней между прилавков, специй, мешков с арахисом, откуда она угощалась, не заплатив, она забегала за двери, где ее по-дружески встречали продавщицы, Микаэла

– Тут есть один мавританец, на прошлой неделе он ездил в столицу и должен был кое-что мне привезти.

входила в магазинчики, как к себе домой:

– Ну как, привез?

– Да, мадемуазель Микаэла, твой саронг у меня.

Уехала семья Микаэлы, следом – Развана, поначалу они, как и мой отец, проявляли терпение, надеялись, что все уладится, ждали, когда прекратится забастовка, а потом ждать перестали, сложили тарелки в коробки, коробки – в сундуки, упаковали мебель и отправили ее грузовиком к судну-контейнеровозу; после отъезда семьи Развана мы с отцом остались одни в лесу, поднимавшемся вокруг домов, одни посреди заброшенного сада – здесь, куда больше не приходила домработница, здесь, где еда становилось все меньше и меньше, а вода в бассейне постепенно испарялась на солнце.

и пробилась сквозь асфальт трава,
сводя отца с ума алкоголем и одиночеством,
или дело было в пальмовом вине,
которое набирало крепость, когда оставалось на солнце,
и воздействовало на нервы, —
теперь он ходил с красными глазами

на этом холме больше не встречалось никого, не считая торговцев вином и бижутерией, которые бродили с флягами и сумками через плечо. И тут нам составила компанию, поселившись в конце улицы, семья Армандо – в ней было четверо сыновей, троих из которых было видно лишь изредка, они выпрашивали деньги у отца и тратили их на шлюх, которых иногда привозили из соседнего города Моанда или из более крупного Франсвиля – туда я однажды ездила на машине, когда в Мунане, где мы жили, больше не осталось ни мест, куда можно было сходить, ни видов, радующих глаз, не осталось и людей: семья из трех празднующихся братьев и Армандо, который тщетно ждал их дома, Армандо – все еще школьник средних классов; Армандо, как и я, лишенный матери, и тоже метис; Армандо, стрелявший по птицам из рогатки; Армандо, который разговаривал только с животными. Его отец приехал демонтировать завод, разобрать по частям не работающие больше станки, отправить их грузовиками в Либревиль, а потом уехать самому. Армандо предпочитал гулять в лесу, где он не рисковал наткнуться на меня. Он вечно твердил,

– Ты меня утомляешь, Анна. Пойди куда-нибудь еще, поговори с кем-нибудь другим.

подталкивая меня к деревьям, чьи плоды – как меня предупреждали, и особенно настойчиво это делал мой отец – не надо есть, потому что почва здесь насыщена марганцем, отчего у местных рождаются безрукие дети.

Когда закончился демонтаж наиболее мощных станков, семья Армандо уехала, и остался только Бертран, такой же подросток, как и я, который ходил по холму и продавал хлеб.

– Не хочешь зайти ко мне в гости? – однажды спросила я.

– Сколько мы с тобой не разговаривали? – вместо ответа спросил он, не глядя на меня, семенящую за ним.

– У меня есть велосипед.

– И что ты хочешь, чтобы я сделал? Я работаю, Аннабелла, я не провожу время, играя в теннис у бассейна.

– В теннис у бассейна больше не играют. Вот уже три месяца, как теннисный клуб закрыт.

– Ага, и поэтому ты надо мной издеваешься.

– Кому ты тут собираешься что-то продать? Здесь никого нет, и я не издеваюсь, а приглашаю тебя.

– Я имею право сюда приходиться только с товаром на продажу.

– Но садовника больше нет. Никто не может помешать тебе войти.

– Что ты хочешь?

– Чтобы ты пришел ко мне в гости.

– Нет.

– Да, приходи завтра.

– Я сказал «нет».

– Если не придешь, я скажу отцу, что ты приставал ко мне.

Бертран, за которым я все это время бежала, оглядел меня с ног до головы, посмотрел на мои волосы:

– Считаешь, что тебя могут клеить?

– Но меня пытаются клеить, а ты как думаешь?

– Думаю, что нет. Старики не в счет.

– Завтра.

– Что завтра?

– Приходи завтра.

– Ты невыносима. Ладно, может, и приду.

И на завтра он был здесь, в красивой белой рубашке поло, привезенной из Либервиля во времена, когда завод еще работал и сотрудники туда ездили; не осмелившись войти в сандалиях, он их снял, прошел по коридорам, не задевая стен и без того грязных; и он, Бертран, был здесь, стоял скрестив руки на груди, и я потянула его за собой,

– У тебя такой же дом?

– Нет, меньше.

– А вас еще много в рабочем городке?

– Там никого больше не осталось, если не считать учителя и двух-трех семей, которые пока не нашли работу в других городах.

повлекла за собой по длинному коридору, забежала в спальню, заперла дверь, скинула всю одежду, приблизилась к нему, умоляя поцеловать, но только грудь, совсем немного, ведь я знала, что он хорошо это делает.

– Кто тебе это сказал?

– Микаэла. Так ты не хочешь?

– Нет.

– Да ты боишься женщин, что ли?

Уехала семья Микаэлы, следом – Развана, не приходил больше и Бертран, сбежавший от моего нагого тела, которое я подставила его мужским рукам.

– Аннабелла, тебе и двенадцати еще нет.

– И что с того? Чего ты боишься? Говорю же тебе, я это уже делала.

Но Бертран сбежал.

Передо мной снова был пустой дом, взбирающаяся на деревья трава, мой отец, курсирующий туда-сюда перед журнальным столиком, мой отец, которого раздражало малейшее шарканье обуви,

– Анна, поднимай ноги!

мой отец,

его рубашка, некогда белая,

а теперь порыжевшая от воды из крана, ведь ее больше не фильтровали, от воды вперемешку с грязью.

Больше не было вечеринок, приемов – и мой отец сходил с ума: один среди пустых домов, один у требующего ремонта внедорожника без колес, один за столом перед включенным телевизором, который теперь ловил один-единственный телеканал.

В приступах ярости, какие провоцировало пальмовое вино и общение с продавцами змей, отец терял голову и таскал меня и всяких деревенских девчонок за руку по коридору.

И это вспыхнуло вновь.

Однажды вечером, когда мы чинно, как полагается, ужинали и отец передавал хлеб, Бетти спросила:

– Когда мы поедем за покупками во Франсвиль? У тебя же остались какие-нибудь деньги?

У Бетти, которая старше меня на три года, было хрупкое тело и осипший от попоек с утра до вечера в его компании голос; тельце совсем маленькое – такое крошечное, что при желании я могла бы выволочь его во двор. Еще не женщина, но уже не ребенок, она была достаточно худенькой – важное качество, позволявшее ему везде таскать ее с собой, как собачонку.

Собачонка моего отца заговорила, когда он хотел покоя. Это существо заговорило, отчего отец шибанул кулаком по столу:

– Не знаю, ничего я не знаю, прекрати. Прекрати задавать мне дурацкие вопросы. Ты тупая, что ли? Ты видела, чтобы кто-нибудь от предприятия приходил сюда и приносил деньги? Видела, чтобы кто-нибудь приходил сюда и выдавал мне деньги? Видела, чтобы у меня были деньги?

И вспыхнуло яростное безумие моего отца,

которое мне уже было знакомо и которое продлилось

полгода нашего пребывания в Мунане.

Однажды я возвращалась из школы, где теперь нас училось лишь трое – дочь преподавателя, Бертран да я, – и, поднимаясь на холм в кузове пикапа, услышала повторяющиеся звуки.

Школа находилась в заброшенной местности, куда больше не ходили автобусы. У бывшего контрольного пункта я дождалась попутки, машины демонтирующих заводское оборудование работников, забралась в нее, и вскоре раздались те самые звуки.

Это были выстрелы. Приблизившись к ним, водитель высадил меня из машины, и дальше я отправилась пешком, окольным путем, чтобы обойти место стрельбы, и тут я увидела перед собой

пьяного отца: он палил по обвившей дерево змее и говорил с ней,

– Выплюни его! Сейчас же, немедленно!

будто это человек, способный его понять; мой отец с красными глазами приказывал змее секунду выплюнуть нашего пса Бобби, которого она только что проглотила,

– Иначе я сам достану его из твоего брюха!

мой отец кричал на бедолагу-змею, неспособную его услышать, и в бешенстве носился, отталкивая свою подругу Бетти. Мне было грустно потерять собаку, но страшно вновь увидеть это выражение лица.

Отец раскрыл питона вдоль и поперек, не один раз разрядив в него ружье, и все орал на рептилию, то садясь на табурет, то вскакивая с пальмовым вином в руке, и когда Бетти решила положить этому конец, я подумала, что теперь настанет ее очередь уворачиваться от пуль.

– Что тебе? Скажи, чего ты хочешь? Чего добиваешься?

– Прекрати. Я хочу, чтобы ты остановился. Пожалуйста, Джованни, прекрати сейчас же! – И она заплакала, упав на колени. – А еще я хочу, чтобы ты перестал пить. Ты пьешь с утра.

Бетти высказала моему отцу все: почему он не может удержать ни одну женщину, почему одинок, упомянула его алкоголизм, – чем довела его до белого каления. Отец ударил Бетти прикладом, и по ее лицу потекла кровь.

Я не шевелилась, думая, что они уgomонятся, что эта пьяная ругань сейчас прекратится, что меня это не касается и не надо ввязываться. Только я решила обойти их стороной, как отец взял табурет и обрушил его на спину Бетти. Тут я закричала, умоляя его остановиться.

Кто был мой отец, которого я теперь потеряла, и почему так часто желала ему смерти? Не имею об этом никакого представления, хотя, может, наоборот, я слишком хорошо знаю все его облики.

5

В июле 2008 года, поступив в университет, я переехала в Старый Лион⁸, мгновенно очаровавший меня архитектурой: я была уверена, что проведу в нем свои лучшие годы, задержусь здесь, рядом с ночными клубами. Отец собирался отвезти меня на каникулы и теперь ждал внизу, с сигаретой в зубах, готовый отправиться в дорогу.

Он больше не был прежним. Мой отец, такой презентабельный, почти любезный, погладил меня по голове, взял сумку, закрыл за мной дверцу.

⁸ Старинный квартал в западной части Лиона, сохранившийся со Средневековья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.